

не въезжает. В местном «парке» только два следа человеческой жизни: заколоченный навсегда тир и плакат «Товарищи!»

Здесь бездорожье достигает максимальных градусов, здесь присутствие человека более, чем сомнительно...

Без окраин и бескрайность

Как ни странно, это — антонимы. Голландцы, зажатые соседями и морем, обходятся без окраин. Нет окраин у Бельгии, Люксембурга, об окраинах Лихтенштейна можно говорить только с улыбкой — чуть превысил 25 км/час — и вылетел за пределы этого сказочно-игрушечного королевства.

А мы живем в бескрайнем пространстве — его края и окраины необозримы и недостижимы. И нет нам ни края, ни предела, ни окорота — что хотим, то и воротим. Мы именно поэтому, наверно, такие одноразовые. Нам всё кажется, что в каждом месте — как впервые и скорее всего — в последний раз, а потому можно бражничать-безобразничать всласть и безнаказанно. Наша бескрайность — и земли и сознания — привела нас к тому, что живем на помойке, на огромной свалке: мусора, истории, мыслей. Наша бескрайность делает для нас любое будущее невозможным, вот почему мы сначала отдали его нелепому учению немецкого бухгалтера, а теперь предали в руки Божии.

В. П. Казарин

КРЫМ. ГЕНИИ МЕСТА

Богат и полон самой разнообразной жизни XIX век в Крыму! Вспомним, кто сопровождал, кто встречал и провожал, кто беседовал, кто осенял Раевских и Пушкина в их путешествии по Крыму. Какая блестящая и многоликая плеяда людей! В Керчи — это археолог, основоположник первого в России археологического музея П. Дюбрюкс и капитан-лейтенант, будущий известный адмирал Н. Ю. Патаниоти, в Феодосии — бывший градоначальник, автор ряда серьезных книг о Кавказе и Крыме С. М. Броневский и действующий градоначальник, будущий Таврический гражданский губернатор Н. И. Перовский, в морском плаваньи на корвете «Або» — капитан корабля, будущий адмирал И. П. Дмитриев, в Георгиевском монастыре — знаменитый митрополит Хрисанф, в Симферополе — профессор Ф. А. Дессер, врач Ф. К. Мильгаузен, губернатор А. Н. Баранов и многие другие. Наследие XIX века до сих пор питает крымчан своими живительными соками.

Если обратимся к живописи (хотя точно так же можно было бы выбрать музыку и архитектуру, предпринимательство и науку, театр и виноделие), тотчас вспомнится плеяда художников, в которой особо блещет имя И. К. Айвазовского, а рядом с ним и после него – В. Суренинц, М. А. Волошин, а потом К. Ф. Богаевский, Н. С. Самокиш, Н. С. Барсамов и, наконец, уже в наше время в ряду многих ярких — заслуженно известные Ф. З. Захаров, В. Д. Бернадский, В. П. Цветкова, Я. А. Басов. Этот перечень имен можно пополнить применительно к любому историческому периоду.

Да, традиция, слава Богу, не умерла, но чью персональную галерею, сопоставимую с галереей И. К. Айвазовского, мы создали, чтобы оставить в наследство своим потомкам? По моему, ничью. Мало того, мы даже не открыли в Крыму коллективной галереи — Музея современного искусства, и после смерти наших художников их собрания «тают» и утрачиваются как единое целое, в лучшем случае оседая в музеях на Западе, которые скупают живопись наших мастеров буквально за гроши.

XIX век, оставив нам свое наследство, оставил в том числе города, которые были наполнены памятью выдающихся современников. Вспомним хотя бы, что улица Киевская в Симферополе до революции называлась Мильгаузенской в память о знаменитом крымском враче пушкинской поры Ф. К. Мильгаузене.

XIX век пропитывает окружающий мир прославляемыми им героями. Достойные граждане отмечались не только званиями и должностями, но и именованием места: Мекензиевы горы, Малахов курган и Панайотова балка в Севастополе, Петровские скалы в Симферополе, Долгоруковская яйла в долине Салгира, Боткинская тропа в Ялте, курган Патаниоти в окрестностях Керчи...

Мы, в отличие от них, перестали наполнять мир памятью своего бытия. Мы стали пропитывать его столичной идеологемой, одной для всех регионов. Например, улицы у нас назывались преимущественно именами из общесоюзного пантеона: Пушкин, Гоголь, Маркс, Ленин, Гагарин... Но если задуматься, то это не результат заботы о прошлом и желания увековечить имена этих действительно замечательных людей. Тиражирование таких названий улиц по всей стране, по большому счету, проявление не любви, а казенного равнодушия (в Симферополе имя Ленина носят одновременно улица, бульвар и площадь), а также гипертрофированного централизма. Сверху нам всем как бы сказали: «Будем помнить и любить вот этих». Все это обескровливало периферию, стирая ее историческую память, стимулируя ее бесплодность, неверие в свои силы.

В Крымском медицинском институте когда-то учился знаменитый ортопед Г. А. Илизаров. наших врачей консультировал и проводил показательные операции профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука). Сравнительно недавно от нас ушли всемирно известные профессора-медики Е. И. Захаров, А. И. Блискунов, К. Д. Тоскин. Имя кого-нибудь из перечис-

ленных мною знаменитых людей увековечено в названии хотя бы одной из крымских улиц? К сожалению, нет. Мы предпочитаем другие, более «содержательные» названия: Херсонская, Залесская, Балаклавская, Ковыльная. Памятника В. Ф. Войно-Ясенецкий удостоился как архиепископ, а не как выдающийся медик. Поблагодарим за это нашего митрополита и Православную Церковь, которая, в отличие от нас, не забывает своих иерархов.

Более десяти лет назад я выступил против установки памятника П. И. Чайковскому в Симферополе, что вызвало возмущение скульптора (он даже подал на меня в суд) и непонимание друзей. Друзья спрашивали меня: что ты имеешь против П. И. Чайковского? Он же замечательный композитор, составляющий славу России! Я тоже считаю, что П. И. Чайковский великий композитор, но он не связан лично и тесно с нашим краем. Вот и все! Леонардо да Винчи и Микеланджело, Шекспир и Гете — тоже замечательные деятели культуры, но мы же не ставим им на этом основании памятники в Крыму.

Мне возражали: но ведь наше музыкальное училище носит имя П. И. Чайковского, что является достаточным поводом для увековечения памяти композитора в Симферополе. Я с этим не согласен. В нашей стране, наверное, почти все музучилища носят имя П. И. Чайковского, и это следствие все того же равнодушия, о котором я уже писал. Я полагаю, что музыкальное училище в Симферополе могло бы носить имя А. Н. Серова, В. С. Калинникова, А. А. Спендиарова или, например, Ф. И. Шаляпина — в знак уважения к его замыслу 1916 года построить в Крыму «Замок искусств» — своеобразную консерваторию для одаренной молодежи. Наши медицинские училища могли бы носить имена Ф. К. Мильгаузена или Н. И. Пирогова, В. Ф. Войно-Ясенецкого или К. Д. Тоскина. Совершенно верно эту проблему решило художественное училище, которое из широкого круга возможных имен (И. К. Айвазовский, Ф. А. Рубо, К. А. Коровин и др.) выбрало имя человека, который стоял у истоков его создания, — Н. С. Самокиша. Самый широкий простор для выбора остается у нашего пока безымянного училища культуры.

Принцип очень прост и понятен: мы должны хранить и всячески культивировать память о тех, кто отдал нашей земле не только свой талант, но часто и свою жизнь. Поэтому памятник П. И. Чайковскому должен стоять у него на родине, в Клину, В. Ф. Войно-Ясенецкому — в Симферополе, Амет-хану Султану — в Алушке, а И. К. Айвазовскому — в Феодосии.

Я думаю, что для именованя улиц и площадей наших городов нужно иметь не только власть и желание, но также — право. А это право дает только историческая и культурная память региона. Во всем Крыму лишь Саки имеют полное право назвать одну из улиц именем Н. В. Гоголя, так как писатель в июне 1835 года приезжал в этот город лечиться знаменитыми грязями. Во всем Крыму только Симферополь имеет право на улицу К. Н. Батюшкова, только Феодосия и Старый Крым — на улицу А. С. Грина, Балаклава, Гурзуф и Феодосия — Афанасия Никитина, Коктебель — М. А. Волошина, Бахчисарай — И. Гаспринского, Керчь — П.

Дюбрюкса и Петра Великого, Ялта — А. П. Чехова и С. Я. Надсона, Севастополь — А. И. Куприна, А. Т. Аверченко и И. А. Бунина, Евпатория и Севастополь — А. А. Ахматовой.

При соблюдении этого простого и понятного правила наши города без всякого экскурсовода рассказывали бы приезжим свою историю. Мы этому правилу, к сожалению, не следуем.

В результате мы не культивируем в регионах память о своих выдающихся современниках. Мы не подаем пример уважения к малой родине подрастающему поколению, которое тем самым лишается важного стимула для самореализации. Потому что память о человеке, гордость за выдающегося соотечественника — это протекция созревающему таланту.

С другой стороны, это знак того, что мы собираемся на этой земле жить всегда, что мы никуда не собираемся уезжать, что мы не исповедуем философию чеховских трех сестер: «В Москву! в Москву! в Москву!». Потому-то у нас часто неуютно и неприбрано в городах и весях, что мы живем всё как будто временно, всё как бы в ожидании, что скоро мы куда-то уедем, в какой-то настоящий город, где начнется настоящая жизнь. А всё, что сейчас, здесь и вокруг, — это зал ожидания, это общежитие, это временная (пусть даже и затянувшаяся) остановка.

Отсутствие общественного признания, публичного интереса лишает талант самого главного условия его самореализации — востребованности. Талант в этом случае начинает искать новое место приложения своих сил, что приводит к печально знаменитой «утечке мозгов». В каждой сфере деятельности мы назовем десятки имен наших современников, которые в разные годы покинули Крым. В результате сегодня впору говорить о том, что древо нашей культуры не только не цветет и не радуется всех нас, но напротив — начинает желтеть. Например, у нас есть Союз писателей (сейчас их даже три), но с отъездом в Москву не поладившего когда-то с начальством замечательного исторического романиста Владислава Бахревского круг маститых писателей, признаваемых и печатаемых далеко за пределами Крыма, сузился: Е. Г. Криштоф, С. К. Славич, А. И. Домбровский, В. С. Фролова, Л. И. Кондрашенко... Среди начинающих однозначно крупное имя даже трудно и найти (многие молодые также подались в столицу или в иные большие города). В результате и В. А. Бахревский в Москве растворился среди многих знаменитостей, и Крым обеднел.

Старая Провинция питала своими соками не только коренных обитателей, но, будучи яркой и богатой, давала толчок в развитии талантов приезжих. Вспомним ту роль, которую сыграл Крым в судьбе Пушкина (его всероссийская слава началась именно с поэмы «Бахчисарайский Фонтан»), В. В. Набокова (именно здесь он окончательно оформился как поэт) или В. И. Вернадского (в Симферополе была написана едва ли не главная книга ученого — «О живом веществе»).

Сам приезд в Крым был тогда не рядовой казенной поездкой, а ярким путешествием, которое дарило новые ощущения. Крым был заполнен культурными и литературными гнездами: Мекка русских мыслителей — Мшатка Н. Я. Данилевского, Ялта А. П. Чехова и А. А. Спен-

диарова, купринская Балаклава, коровинский Гурзуф, имение сестер Герцык в Судаче, волошинский Коктебель, Алушта С. Н. Сергеева-Ценского и И. С. Шмелева, гриновская Феодосия и проч. и проч. и проч.

Литературные и культурные гнезда позднее частью исчезли, частью превратились в Дома творчества. Дома творчества уже в наше время стали обыкновенными гостиницами. На смену путешествиям пришли заурядные вояжи за экзотикой и стандартным комфортом.

Сейчас у нас есть окраины, но нет Провинций. Сейчас у нас есть многочисленные столицы, но нет Центра. В результате у нас есть «независимые государства», но нет и в обозримом будущем не может быть Империи.

В государстве-империи история вяжется в единый узел в столице (в Риме, в Константинополе, в Москве), но творится на периферии, в провинции. Для того, чтобы могли состояться такие фигуры, как М. Шолохов, Э. Межелайтис, Ч. Айтматов или О. Сулейменов, необходимы эти оба начала. Наличие столицы дает провинциальному бытию систему координат, помогает преодолеть тупики затворничества (в том числе национального). Но реализация общей идеи невозможна без фактуры провинциального бытия, его плоти и крови, его реальности, которую не может дать идеократическая столица. Сосланные в Северное Причерноморье, Овидий и Пушкин, каждый по-своему, органически претворяли имперскую идею в плоть провинциального опыта.

Здоровый Центр осознает важность развития Провинции, ослабевающий — стремится всячески ее ослабить. Результатом всегда является бунт Провинции против Центра. Он имел место и после октября 1917 года, и после апреля 1985-го.

Оскудение Провинции таит в себе опасность перерождения «провинциальной гордости» в «провинциальное тщеславие». Нет крупных имен — нет настоящих критериев самооценки. Нет критериев — начинает развиваться мелочная гордыня, а это болезнь заразная, она быстро перебрасывается из Провинции в Центр.

Одним из очевидных признаков этой болезни в масштабах целого государства (особенно новообразованного) всегда являлась страсть к помпезным названиям. Не так давно Киевский университет стал национальным. Но такое звание может быть или результатом общественного признания (и тогда оно оправдано), или результатом бюрократического решения (и тогда оно останется формальным). Гарвард, Кембридж или МГУ таких званий не имеют, но они являются в самом высоком смысле национальными, потому что такой статус за ними признает научная общественность мира. Тот факт, что сегодня, помимо Киевского, еще по меньшей мере пять университетов Украины стали национальными (не говоря уже о полутора десятках других вузов), свидетельствует, что мы избрали бюрократический, а не сущностный путь.

О том, что в нашем молодом независимом государстве уже более трех десятков Академий наук, которые в лучшем случае заслуживают названия «клуба ученых по интересам», стыдно и говорить.

Сегодня перед всеми нами стоит задача восстановления самосознания Провинции, что станет реальным шагом к возрождению Центра. Начинать надо с восстановления нашей общей исторической памяти. К сожалению, у нас это стремление зачастую приводит к «гражданской войне» в сфере культуры, что нельзя ничем оправдать. Нам не нужны новые победители и новые побежденные. Мы, крымчане, слишком хорошо знаем, чем это заканчивается. Уважение к прошлому не должно означать начала «войны» с настоящим. История едина, она не делится на хорошую и плохую, дореволюционную и советскую, «белую» и «красную».

Выход всегда есть. Та же проблема наименования улиц может быть достаточно просто и эффективно решена. Давайте начнем устанавливать на наших домах увеличенные трафареты, на которых будет одновременно указано новое и старое название улиц.

Мы должны наконец подготовить и выпустить «Крымскую энциклопедию», разговоры о создании которой ведутся уже более 60 лет. Кстати, многие области Украины выпустили такие региональные энциклопедии (например, Чернигов). Есть примеры и городских энциклопедических справочников (недавно это сделал Севастополь).

Признаки изменения в общественном сознании налицо. Налицо и желание власти решать эту проблему. В этом ряду некоторые весьма плодотворные инициативы Верховного Совета Автономной Республики Крым последнего времени: именование одной из площадей в Симферополе в честь Амет-хана Султана, введение почетных званий Автономии, учреждение республиканских премий и др.

Но без общественной инициативы, без того, что именуется хорошим (хотя и затертым) выражением «самодеятельность широких масс», без осознания всеми нами необходимости решения этой проблемы подлинное возрождение Крыма невозможно.